

DOI: 10.22363/2312-8313-2018-5-4-411-425

Макроэкономические проблемы стран – экспортеров нефти в условиях нестабильности мирового рынка

Г.Л. Гукасян

Институт востоковедения РАН,
Российский университет дружбы народов

Макроэкономические проблемы стран – экспортеров нефти, обусловленные нестабильностью мирового рынка нефти, по-прежнему остаются значимым фактором, воздействующим на развитие и социально-экономическое положение этой группы государств и их экономическую политику. Это особенно ярко проявляется в условиях падения мировых цен на нефть, когда для стран – экспортеров нефти с особой остротой встает вопрос о перестройке зависимой от нефтяного фактора экономической структуры. Однако глобальная система международного разделения труда накладывает серьезные структурные ограничения на возможности и темпы структурно-экономических реформ. При этом, несмотря на особенности и многообразие проявления макроэкономических проблем в различных странах – экспортерах нефти в условиях колебаний конъюнктуры рынка нефти, проявляются сходные трудности в сфере финансово-экономической, структурной и внешнеэкономической политики.

Ключевые слова: нестабильность мирового рынка нефти, страны – экспортеры нефти, финансово-экономическая система, структура экспорта, международное разделение труда, валютные доходы, экономическая диверсификация

Рассматривая проблемы воздействия флуктуаций мирового рынка нефти на положение стран – экспортеров нефти, можно констатировать, что эти колебания, обладая выраженной цикличностью (впрочем, как и общеэкономическая конъюнктура мирового хозяйства в целом), оказывают хаотичное разнонаправленное воздействие на финансово-экономическую систему страны – экспортера нефти, тем самым подавляя стимулы реальной структурной перестройки экономики на путях трансформации сырьевого характера хозяйства в несырьевой (который базируется на обрабатывающей промышленности и передовом третичном секторе).

При этом характеристики «Голландской болезни» для стран – экспортеров нефти и газа обусловлены моделью включения в международное разделение труда, сложившейся исторически в рамках мирового хозяйства в сочетании с переходом к рыночной экономике, в которой, как известно, инвестирование в развитие тех или иных отраслей обуславливается рентабельностью. Однако рентабельность, в свою очередь, присоединена к факторам

существующего в рамках текущей конъюнктуры спроса на мировом рынке на те или иные товары. Но в таком случае страны – экспортеры сырья не могут получить конкурентные преимущества в несырьевых секторах в силу рыночного характера распределения инвестиций, которые в рыночных условиях не вкладываются активно в приоритетные сектора несырьевого развития в странах – экспортерах сырья. И в основном только государство перераспределяет часть доходов (получаемых от экспорта сырья) в развитие ненефтяных и инновационных секторов экономики. При флуктуациях спроса и предложения, а также цен на сырьевые товары, в т.ч. на энергетическое сырье, приток капитала в страны – экспортеры сырья сокращается.

Разумеется, что при наличии командно-административных рычагов распределения инвестиций возможности перераспределения капиталовложений в странах – экспортерах и производителях энергетического и другого сырья могли бы быть реализованы намного быстрее и в заданных плановых параметрах, однако и в такой ситуации известные структурные трудности отчасти были обусловлены зависимостью от мировой экономики. Об этом свидетельствует опыт ряда развивающихся стран и СССР, когда в условиях недостатка какой-либо продукции зависимость от экспорта сырья и закупок на внешнем рынке имела ощутимое влияние на национальную экономику.

Впрочем, при передовом подходе к организации производственной и экспортной структуры национальной экономики новые индустриальные страны Азии продемонстрировали возможность активного включения в международное разделение труда на новой технологической базе (Китай, Сингапур и др.). Здесь, как представляется, весьма многое зависит от продуманной структурной макроэкономической политики, последовательности ее проведения в жизнь. Однако НИС Азии являются главным образом импортерами нефти, и это обстоятельство кардинально отличает их от крупных экспортеров нефти, таких как Саудовская Аравия, Венесуэла и другие, и конечно, от России.

В чем же проявляются основные проблемы стран – экспортеров нефти на макроэкономическом уровне в условиях нестабильности мирового рынка нефти? Особенности отмеченного характера экономических проблем широко охарактеризованы во многих работах экспертов и в условиях преимущественно рыночного характера экономики выражаются в следующем.

Важнейшей экономической детерминантой спроса на нефть исторически выступало состояние цикла экономической конъюнктуры в мировом хозяйстве. Естественно, что в условиях роста мировой экономики имело место повышательное давление на уровень цен на нефть, что наблюдалось еще с 1970-х гг. Ярким примером из числа последних по времени подобных флуктуаций цен на нефть выступил их огромный рост в период 2003–2008 гг., когда цена на нефть сорта WTI повысилась с 28 до 134 долл. за баррель, и этот повышательный скачок был остановлен только мировым финансовым кризисом, когда вступление мировой экономики в глобальную рецессию привело к падению нефтяных цен с 134 долл. за баррель в июне 2008 г. до 39 долл. в феврале 2009-го.

Впоследствии произошла стабилизация мирового экономического роста и спроса на нефть, которая продолжалась до 2014 г., после чего, как известно, с июня 2014 г. по январь 2015 цена на нефть, например, известного сорта Brent понизилась с 112 до 47 долл. за баррель. Понижение объяснялось отчасти новым замедлением мирового экономического роста, а отчасти перепроизводством нефти, в силу расширения спроса на нее в предыдущие годы. Надо сказать, что в перепроизводство нефти внес свой вклад целый ряд стран, в значительной мере арабские экспортеры нефти (Саудовская Аравия и др.) и в огромной мере США, в которых рентабельным стало производство сланцевой нефти, а также, естественно, Россия, Канада и другие экспортеры. Собственно, это и привело к обвалу цен на нефть на фоне ее перепроизводства и замедления мирового экономического роста.

К концу января 2016 г. цена на нефть Brent снизилась до 27 долларов за баррель, а период падения цен нанес сильный удар по экономикам, доходам, валютным резервам большинства стран – экспортеров нефти из числа развивающихся стран, а также России, Азербайджана, Казахстана.

Для стран – экспортеров нефти (кроме США, исторически являвшихся чистым импортером нефти, и только с расширением извлечения сланцевой нефти в последние годы начавших претендовать на статус едва ли не нетто экспортера) перестройка экономической структуры, сложившейся под влиянием мирового рынка, выступает весьма сложным процессом. Причина в том, что в условиях снижения доходов от экспорта нефти экономика страны сталкивается с необходимостью перераспределения финансовых ресурсов между целями стабилизации экономической ситуации и целями развертывания мероприятий по финансированию проектов в ненефтяных сферах экономики.

В этих условиях на макроэкономическом уровне экономической политики стран – экспортеров нефти, с одной стороны, важнейшим индикатором зависимости экономического развития от нефтяных доходов, а с другой стороны, рычагом адаптации к снижению этих доходов стали государственные финансы. Но их использование проявляется по-разному в разных структурно-экономических условиях стран – экспортеров нефти.

Так, по оценкам Международного валютного фонда, после 2014 года арабские страны – крупные экспортеры нефти столкнулись с новой реальностью неуклонного снижения бюджетных доходов уже в 2015 г., когда, к примеру, Саудовская Аравия, после трех лет исполнения бюджета со значительным профицитом, достигавшим более 13 % ВВП, резко скатилась к бюджетному дефициту, близкому к 15 % от ВВП. Другие страны – значимые экспортеры нефти, такие как Россия, Ливия, Венесуэла, Кувейт, Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Ангола, также испытали крайне тяжелые последствия спада цен на нефть для государственных финансов. Так, даже для богатого нефтедолларами при относительно малой величине населения Кувейта изменение профицита бюджета величиной в 34,7 % ВВП в 2012 г. на профицит величиной всего в 0,15 % ВВП в 2016 г. оказалось непредвиденно неприятным [8].

В табл. 1 и 2 отражены некоторые макроэкономические показатели ряда стран – экспортеров нефти. Надо отметить, что доля экспорта нефти в ВВП нами была взята только на 2016 г., когда данный экспорт испытал наибольший обвал, а для стран – экспортеров нефти эта доля сильно колеблется и резко возрастает при высоких ценах на нефть (в связи с чем, в 2016 г. она намного ниже, чем в предыдущие годы). Подробнее эту тенденцию можно посмотреть по данным статистических источников за предыдущие годы на сайтах статистической информации. Величина индекса диверсификации экспорта-импорта, более близкая к 1, означает более худший показатель страны в сравнении со среднемировым.

Таблица 1

**Бюджетный дефицит/профицит ряда стран – экспортеров нефти в 2009–2017 гг.
(% от ВВП)***

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Россия	-7,9	-3,9	0,8	-0,1	-0,5	-0,5	-2,4	-3,4	-1,5
Саудовская Аравия	-5,38	4,44	11,6	13,6	6,5	-2,3	-14,8	-12,8	-8,9
Венесуэла	-5,09	-4,02	-5,3	-15,6	-11,5	-15	-20	–	–
Норвегия	10,3	11	13,4	13,8	10,8	8,7	6,1	4,0	4,4
Азербайджан	0,7	0,9	0,6	0,3	0,6	-0,5	-1,2	-1,4	-1,6
Алжир	-5,1	-0,1	-1,2	-4,8	-0,9	-7,1	-15	-12,6	-6,4

И с т о ч н и к : [10; 16].

* данные могут отличаться от приведенных в тексте оценок других аналитических центров.

Таблица 2

**Индекс диверсификации экспорта-импорта
и доля экспорта в ВВП ряда стран – экспортеров нефти**

Страна	Индекс диверсификации экспорта – импорта (ЮНКТАД) в 2007 г.	Индекс диверсификации экспорта – импорта (ЮНКТАД) в 2017 г.	Доля экспорта нефти в ВВП в 2016 г., %
Россия	0,348	0,292	7,0
Саудовская Аравия	0,717	0,585	26,44
Венесуэла	0,651	0,612	14,21
Норвегия	0,406	0,329	3,8
Азербайджан	0,736	0,809	17,46
Алжир	0,598	0,480	10,92

И с т о ч н и к : [17].

В частности, для такого важнейшего мирового экспортера нефти, как Саудовская Аравия, ситуация в последние годы складывалась следующим образом. В 2016 году стоимостной объем экспорта Саудовской Аравии составил 163 млрд долл., и данное королевство выступило 27 по значению мировым экспортером. Однако экспорт Саудовской Аравии в предыдущие 5 лет падал среднегодовым отрицательным темпом в -20,1 % и за время с 2011 по 2016 гг. сократился с 617 млрд долл. до 163 млрд. При этом в 2016 г. подавляющую долю в экспорте этой страны составляла сырая нефть, в размере около 59 % стоимости экспорта, и еще 7,98 % приходилось на нефтепродукты [11; 13].

Закономерно, что узкая база экспорта накладывает отпечаток на структуру национальной экономики страны, в данном случае это сырьевая направленность экспорта. К примеру, в том, что касается Венесуэлы, сохраняющаяся монокультурность включения страны в международное разделение труда очевидна, но она обусловлена известными структурными характеристиками экономики Венесуэлы: гипертрофированная роль нефти в экспорте Венесуэлы выражалась долей сырой нефти в экспорте в размере 68,7 % в 2016 г. и очищенной нефти (нефтепродуктов) в 11,7 % (т.е. всего доля нефти составила 80,4 %). Еще 11 % приходилось на золото [14].

В 2013 г. доля нефти, включая нефтепродукты, в экспорте Венесуэлы, по оценкам Trading Economies, была еще выше – порядка 95 %. При этом общая сумма экспорта Венесуэлы в 2016 г. серьезно снизилась, в сравнении со многими другими странами мира, составляя 26,6 млрд долл. (62 место по величине экспорта среди стран мира), в сравнении с 144 млрд в 2011 г. Что касается доли нефти в ВВП Венесуэлы, то точно в условиях кризиса этот показатель не оценен, но представляется значимо высоким при существующей структуре ВВП. Однако основная трудность экономики Венесуэлы очевидно состоит в крайне слабой диверсификации источников национального дохода и государственных финансов [18].

Как отмечается в обзоре Фонда Карнеги, доходы Венесуэлы от экспорта упали с 74 млрд долларов в 2014 г. до 37 млрд в 2015 году. По данным МВФ, ВВП Венесуэлы в 2014 году упал на 3,9 %, в 2015-м на 5,7 %, резко выросли инфляция, товарный дефицит, уровень бедности [1]. Экономика страны в 2017–2018 гг. вступила в тяжелую гиперинфляцию с многократным скачком цен, более миллиона % в ноябре 2018 г. Правительству Николаса Мадуро пришлось сократить субсидии, которые были введены еще при Уго Чавесе, а также приступить к мерам по экономической либерализации. Коллапс цен на нефть заставил Президента Венесуэлы в 2015 г. предпринимать активные усилия на мировой арене для согласования действий стран-экспортеров нефти, чтобы поддержать уровень цен, что жизненно необходимо для Венесуэлы. С начала спада цен на нефть до последнего времени Венесуэла находится в тяжелом экономическом кризисе, а добыча нефти сократилась до самого низкого за 70-летний период уровня, и в июне 2018 составляла 1,34 млн баррелей в сутки, что на 800 тыс. барр. ниже, чем год назад [10].

Несмотря на сходную тенденцию зависимости экономического положения от нефтяного экспорта в странах – экспортерах нефти, сила проявления данной тенденции неодинакова, и она зависит от структуры хозяйства и достигнутого уровня экономической диверсификации, а наряду с этим от объема и качества добываемых нефти и газа, величины населения, внешнеэкономических и внешнеполитических проблем. Весьма интересно было посмотреть в этой связи на такую страну-экспортера нефти, уже не Латинской Америки, а Африки, как Алжир, с которым СССР тесно сотрудничал в период курса социалистической ориентации в этой африканской стране (и продолжает сотрудничать сегодня). В Алжире воздействие спада нефтяных цен оказало отчасти менее сильное, чем в Венесуэле, влияние на социально-экономическое положение в стране, но это влияние все-таки было весьма значительным и сходным по направленности.

Структура экспорта Алжира при этом заметно отличается от структуры экспорта Венесуэлы. Так, по уточненным данным за 2016 г., являясь 58 по объему экспорта мировым экспортером, Алжир в наибольшей доле экспортировал попутный нефтяной газ (42 % от общей суммы экспорта), а нефть находилась на 2 месте в экспорте (в размере 33 % от общего экспорта). Также страна экспортировала широкий спектр различных видов минеральной, химической, промышленной продукции [12].

Особенно важным фактором устойчивости на примере Алжира представляется, по-видимому, более глубокий уровень экономической диверсификации в данной стране, чем в Венесуэле. Так, доля обрабатывающей промышленности в ВВП Алжира, по данным МБРР на 2017 г., составила 35,26 %. Данных о доле обрабатывающей промышленности для Венесуэлы МБРР на 2017 г. не предоставил, скорее всего, в силу неопределенности экономической ситуации в стране. Однако имеются данные о доле промышленности вообще (включая добывающую) в ВВП Венесуэлы – это 37,24 % (еще 48,82 % приходится на долю в ВВП сферы услуг). Уже по этим показателям видно, что вся в целом доля промышленности (включая добывающую, т.е. добычу нефти и др. ресурсов) в ВВП Венесуэлы не более, чем на 2 % выше, чем доля одной только обрабатывающей промышленности в ВВП Алжира. То есть в Алжире успехи в индустриализации и диверсификации экономики значительно больше [19].

Достаточно устойчивый фундамент алжирской экономики был заложен в период социалистической ориентации, когда в стране проводились широкие программы индустриализации в рамках пятилетних планов. Но, помимо отмеченного выше, стабилизатором алжирского участия в международном разделении труда выступает его значение как крупного экспортера газа, экспорт которого более стабилен, чем экспорт нефти, больше привязан к трубопроводным системам. Так, магистральный газопровод Магриб – Европа (MEG), связывающий гигантское газоконденсатное месторождение Хасси-Рмель в Алжире с Испанией и Португалией, обеспечил превращение Алжира в одного

из важнейших игроков на европейском рынке газа, потенциально способного занять на нем до 15 %. В 2017 г. Алжир являлся третьим по объему экспортеров газа в ЕС, поставляя 6 % импортируемого ЕС газа (на первом месте Россия с 27 %, на втором – Норвегия с 21 %) [4].

Вместе с тем, спад цен на нефть и в Алжире привел к сходным с другими странами – экспортерами нефти проблемам, хотя и не выразившимся в настолько же резком, как в Венесуэле, обвале экономики, У Алжира сильно сократилась стоимость экспорта: она упала с 74,3 млрд долл. в 2011 г. до 31,2 млрд в 2016 г. Как видно из приведенной выше таблицы, в Алжире также обострилась проблема дефицита госбюджета. В Алжире существуют значительные программы государственного субсидирования (строительство жилья и др.), общий объем которых достигает 1/5 ВВП. Валютные резервы Алжира за период с конца 2014 г. по 2015 год сократились с около 180 млрд долл. до 143 млрд. Вместе с тем уровень инфляции в период 2015–2016 гг. остался умеренным, на уровне около 5–6 %, уровень безработицы был заметным, но характерным для арабских стран, – около 11 %. Уровень бедности в Алжире достаточно высокий (около трети населения). В связи со спадом цен на нефть правительством Алжира была поставлена задача ускорения диверсификации экономики за счет ненефтяных секторов, а также сокращения импорта, экономии финансовых средств [6].

Обращаясь выборочно к характерным макроэкономическим проблемам ряда стран – экспортеров нефти, значительный интерес представляет и такая страна бывшего СССР – экспортер нефти, как Азербайджан. По приведенным показателям бюджетного дефицита в период последних колебаний мировых цен на нефть у Азербайджана наблюдается большая финансовая устойчивость, чем у Саудовской Аравии и Венесуэлы, и в чем-то сопоставимые с Россией показатели бюджетного дефицита/профицита (хотя на Россию повлияли еще и экономические санкции). Это во многом может объясняться более диверсифицированной структурой хозяйства Азербайджана, более устойчивой финансово-экономической политикой, в сравнении с упомянутыми двумя странами, несмотря на то, что на экспорт нефти в Азербайджане приходится также огромная доля от общего экспорта страны – это, по оценкам международных экспертных центров, порядка 86 % на 2016 г., а более 60 % доходов бюджета составляют нефтяные доходы.

Азербайджан лучше, чем Венесуэла, выдержал обвал цен на нефть 2016 года, но этому способствовали сочетание особенностей структуры экономики Азербайджана, его вовлеченность во внешнеэкономическую интеграцию с разными группами государств, характер экономической политики, особенности текущего состояния бюджета и государственного долга.

Тем не менее в Азербайджане, в условиях падения цен на нефть в 2014–2016 гг. также сильно обострились финансово-экономические проблемы, наблюдались волнения и протесты, вызванные ростом цен и ухудшением социально-экономической ситуации, девальвация маната сопровождалась снижением

душевого ВВП на 56 % (если в конце 2015 он составлял 7986 долл., то в середине 2016 г. – лишь 3940 долл. на душу). Представляется, что и разноплановая включенность Азербайджана в экономические связи на территории бывшего СССР (СНГ) могла в определенной мере облегчить преодоление страной социально-экономических последствий падения цен на нефть. Однако в целом направленность реакции экономики данной страны на скачки конъюнктуры мирового рынка нефти имеет сходную направленность с большинством стран – нетто экспортеров нефти.

Что касается экономической динамики Азербайджана, то рост ВВП между 2004 и 2011 гг. составлял в среднем 15 %, благодаря нефтяному «буму», в то время как, например, в России рост ВВП составил в этот период 4 %, в Казахстане 7 %. Естественно, что «нефтезависимый» рост экономики при сильной зависимости экономики от нефти у стран – экспортеров нефти обычно характеризуется скачкообразностью. Резкие же скачки темпов роста ВВП как раз характерны для стран – экспортеров нефти, экономики которых по своим физическим масштабам относительно невелики или слабо диверсифицированы. В этом смысле рост ВВП России на 4 % в указанные годы выступает менее неустойчивым. Надо отметить, что все три упомянутые страны – экспортера нефти опирались на валютные резервные фонды, сформированные в основном за счет нефтяных доходов. Как известно, в России два фонда: Фонд национального благосостояния и Резервный фонд в конце 2014 г. аккумулировали средства в размере 180 млрд долл. (9 % ВВП), в Казахстане Национальный фонд Казахстана – средства в размере 69 млрд долл. (30 % ВВП), а в Азербайджане Государственный фонд Азербайджана – 36 млрд долл. (47 % ВВП) [7, с. 2–5].

Разумеется, резервные фонды в период спада цен на нефть были истощены, но послужили для стран-экспортеров нефти, как принято считать, финансовой «подушкой безопасности». Основным же рычагом срочного развертывания стратегии ускоренного ослабления зависимости от нефтяной экономики на первом этапе реагирования на понижательную флуктуацию мирового рынка нефти становится перераспределение финансов, укрепление налоговой системы, повышение налогов и сборов. В этом случае Российская Федерация в общей направленности такой стратегии реагирования имеет сходные аспекты с Саудовской Аравией (хотя там только сейчас начинается даже внедрение НДС, который никогда не применялся).

В условиях стабилизации цен на рынке нефти рост доли нефтяного сектора в ВВП и источниках государственного дохода возрастает отчасти автоматически. Так, например, Б. Титов отмечает, что тезис о снижении зависимости российского бюджета от внешнеэкономической конъюнктуры не обоснован, так как такое снижение было характерно только для двух лет (2015–2016 гг.) на фоне низких цен на энергоресурсы, однако их восстановление в 2017 г. принципиально изменило ситуацию. Это иллюстрируется данными о доле экспорта нефти и нефтепродуктов в экспорте России, вкладе сектора добы-

чи полезных ископаемых и нефтепереработки в рост промышленного производства и долей нефтегазовых доходов в общем приросте бюджетных доходов (по данным Института народнохозяйственного прогнозирования РАН).

Таблица 3

**Некоторые показатели роли нефтяного сектора
в экономике России в 2013–2017 г. (%)**

Год	2013	2014	2015	2016	2017
Доля экспорта нефти и нефтепродуктов в экспорте России	71,7	70,9	64,3	60,2	62,4*
Вклад сектора добычи полезных ископаемых и нефтепереработки в рост промышленного производства	55	36	9	20	73
Доля нефтегазовых доходов в общем приросте бюджетных доходов России в 2013–2017 г.	49	61	–	–	71

* 2017 г. – оценка.

И с т о ч н и к : [5, сс. 2-4].

Действительно, в отмеченных условиях хозяйственной структуры переход на рельсы уменьшения нефтяной зависимости национальной экономики в странах – экспортерах нефти, в силу характера интеграции в мировое хозяйство при рыночном и достаточно открытом внешнему миру типе экономики страны, не может быть изменен радикально быстро. Это очевидно на базе многих теорий международного разделения труда от Смита-Рикардо до Кругмана и других. Это во времена плана ГОЭЛРО реальная перестройка структуры экономической базы не так сильно зависела от внешних экономических условий. Не случайно, что в среднем по 6 странам – экспортерам нефти Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, при всей масштабности программ экономической диверсификации, заявленных там, доля обрабатывающей промышленности в ВВП остается с 1970-х гг. на уровне не более 9–10 % (хотя в отдельности есть большие показатели, прежде всего на Бахрейне, где нефть практически закончилась, и в Дубае) [15, с. 10].

Оказывая тормозящее воздействие на структурную диверсификацию хозяйства стран-экспортеров нефти при повышательном тренде конъюнктуры нефтяного рынка, при резком ее ухудшении данные страны вынуждены координировать усилия для поддержания условий торговли. Это было продемонстрировано, когда в конце 2016 года ОПЕК и ряд не входящих в организацию стран (ОПЕК+) договорились в Вене о сокращении добычи нефти на 1,8 миллиона баррелей в сутки с уровня октября 2016 года. Договор стартовал с начала 2017 года и был продлен до конца 2018 года. В июне 2018 года группа ОПЕК+ согласовала цель уйти от перевыполнения условий соглашения, кото-

рое тогда составляло 47 %. Между тем в последнее время участники сделки, наоборот, заявляли о риске переизбытка сырья на рынке в 2019 году и о возможности вернуться к сокращениям добычи.

В результате 7 декабря 2018 г. было принято решение стран ОПЕК+ о сокращении добычи на 1,2 миллиона баррелей в сутки на первую половину 2019 года. Эта новая сделка была также необходимой в условиях нестабильности рынка. Из них 800 тысяч баррелей нефти придется на ОПЕК и 400 тысяч – на страны вне картеля. Снижение добычи странами ОПЕК составляет по соглашению 2,5 % от уровня октября 2018 года, остальными – 2 %. Три страны получили исключения из сделки ОПЕК+: Иран и Венесуэла, из-за санкций, и Ливия в связи с нестабильной ситуацией в стране. Очень важным оказался консенсус между Россией и Саудовской Аравией, которая на данном этапе была заинтересована в дальнейшей стабилизации рынка и опасалась отказа России от сокращения добычи (для России снижение добычи более сложно, в т.ч. из-за климатических условий работы скважин).

Усилия по стабилизации рынка нефти сыграли основную роль в том, что средняя цена нефти сорта Brent повысилась с 43,73 долл. за баррель в 2016 г. до 54,19 долл. за баррель в 2017 г., впервые с 2012 г. Однако тенденция перепроизводства нефти может сохраниться в силу вложенных ранее повышенных инвестиций в разработку сланцевой нефти в США, а также крупных новых проектов разработки конвенциональной нефти в Бразилии, роста добычи в Великобритании [3; 9].

В этой связи экономические проблемы стран-экспортеров нефти останутся переплетены как с задачами диверсификации экономики, так и с задачами сохранения роли данных государств на мировом рынке нефти. В недавней исторической ретроспективе борьба развивающихся государств за Новый мировой экономический порядок представлялась таким же важным явлением для данной группы стран, как индустриализация. Отстаивание своих интересов как поставщиков углеводородов для мировой экономики развивающимися странами являлось частью этой борьбы, которая в настоящее время также актуальна.

Таким образом, в нынешней глобализированной экономике пока что не имеется защитного механизма от спада цен на сырьевые товары и какого-либо обособленного от мирового капиталистического рынка товарно-денежного сегмента рынка, отвечающего обслуживанию реализации общественного продукта развивающихся стран и в целом стран, не относящихся к странам с развитой рыночной экономикой. В этих условиях развивающимся странам – экспортерам нефти остается сочетать опору на доходы от экспорта сырья, с одной стороны, с мерами по мобилизации доходов от любых областей экономической активности, а стратегию серьезной структурной перестройки экономики закладывать и развивать в качестве долгосрочной стратегии развития. Доходы от экспорта углеводородов должны в обусловленной мере играть роль финансовой подушки безопасности для периодов флуктуаций конъюнктуры

мирового рынка, и, одновременно, источника финансирования инфраструктурных и диверсификационных программ развития национальной экономики стран – экспортеров нефти. По большому счету реальная структурная перестройка экономики страны – экспортера нефти должна будет выражаться в изменении межотраслевых балансовых потоков производства и структуры экспорта, в чем и состоит стратегическая проблема экономической структурной политики в условиях периодов нестабильности и резких флуктуаций мирового рынка углеводородов.

Что касается проблем российской экономики в условиях флуктуаций мирового рынка нефти 2014–2017 гг., то, естественно, что в этих проблемах большую роль сыграла ситуация с ценами на нефть, но к ней добавилось и воздействие иностранных санкций, ограничение доступа к источникам финансирования за счет иностранного капитала и т.п., о чем уже писали многие эксперты [2, с. 6–11, 12–28]. Кроме того, на положение страны дополнительно повлияли характерные для мирового хозяйства структурно-циклические колебания, например, замедление экономического роста Китая, практически не связанное со спадом цен на нефть, т.к. КНР является крупным нетто-импортером нефти, но повлиявшее на многие экономики стран, взаимосвязанные с китайской экономикой. При этом определенная устойчивость российской экономики в данных тяжелых условиях, как представляется, связана с меньшей долей нефтяного экспорта в ВВП, чем у ряда стран – значимых экспортеров нефти, со стабильной позицией России как экспортера газа мирового значения, а также с диверсифицированным характером российского экспорта различных видов сырья, полуфабрикатов, помимо нефтегазовых.

Если посмотреть на положение Саудовской Аравии в условиях спада цен на нефть, то большие, чем у России валютные резервы королевства были растрочены весьма значительно для финансирования дефицита госбюджета и в целях смягчить возможное социальное недовольство, всплеска которого власти оправданно опасались из-за падения доходов и замедления роста экономики. По многим оценкам, валютные резервы Саудовской Аравии сократились с 737 млрд долл. в августе 2014 г. до 529 млрд в конце 2016 г. Началась антикоррупционная кампания против многих членов королевской семьи, были введены прочие экстренные меры консолидации доходов.

Что касается «наивного» применения коэффициентов корреляции (здесь Пирсона), то цифровое значение не представляется показательным для анализа силы зависимости ВВП России от экспорта нефти, в сравнении с конкурирующим с нами по объему экспорта нефти экспортером – Саудовской Аравией, поскольку, например, с 2012 по 2017 гг. стоимость экспорта нефти России упала на 87,3 млрд долл., или почти на 50 %, а Саудовской Аравии – на 177,8 млрд долл., или на 52,7 %, однако ВВП Российской Федерации за тот же период упал на 28,6 %, а Саудовской Аравии – лишь на 7 % (см. данные табл.).

Таблица 4

**Экспорт нефти, ВВП, доля экспорта нефти
в ВВП России и Саудовской Аравии в 2010–2017 гг. (млрд. долл. и %)**

Год	Россия			Саудовская Аравия		
	Экспорт нефти, млрд долл.	ВВП, млрд долл.	Доля экспорта нефти в ВВП, %	Экспорт нефти, млрд долл.	ВВП, млрд долл.	Доля экспорта нефти в ВВП, %
2010	135,8	1524,9	8,9	214,9	526,8	40,8
2011	181,8	2051,7	8,9	319,1	669,5	47,7
2012	180,9	2210,3	8,2	337,5	735,9	45,9
2013	173,7	2297,1	7,6	321,9	746,6	43,1
2014	153,9	2063,6	7,4	284,5	756,3	37,6
2015	89,6	1368,4	6,5	152,9	651,7	23,5
2016	73,7	1284,7	5,7	134,4	639,6	21,0
2017	93,6	1577,7	5,9	159,7	683,8	23,4
	коэффициент корреляции Пирсона	0,926840946		коэффициент корреляции Пирсона	0,534580512	

И с т о ч н и к : составлено и рассчитано по: [10].

Такие показатели корреляции можно объяснить уже тем, что факторов динамики ВВП много, а коэффициент в данном случае улавливает значительно больший спад ВВП России на фоне спада экспорта нефти, но, в отличие от Российской Федерации, на Саудовскую Аравию никакие внешнеэкономические санкции не влияли, а экономика была поддержана вкачиванием в нее золотовалютных резервов королевства (т.е. накопленных нефтяных доходов прошлых лет). Причем в таком темпе расходования этих резервов, по мнению большинства аналитиков, начиная с 2014 г. их Саудовской Аравии хватило бы лишь на несколько лет (около 5), если бы цены на нефть не стали повышаться, оторвавшись от «дна». А вот внутренний рынок и экспортная база Саудовской Аравии крайне ограничены, в связи с чем без улучшения положения с ценами на нефть саудовская экономика могла бы сильно «провалиться» (взять хотя бы то, что в отличие от России у данной страны, по сути, отсутствует самообеспечение продовольствием, различным оборудованием, в т.ч. и для нефтяной промышленности, и вообще самообеспечение широким спектром продукции, без которой воспроизводство общественного продукта на уровне страны невозможно в масштабах, отвечающих современным потребностям).

Таким образом, макроэкономические проблемы стран – экспортеров нефти (кроме США, Норвегии, Великобритании, здесь не рассматриваемых), концентрируются вокруг роли нефти в ВВП и доходах государства, достигнутого уровня экономической диверсификации и связанной с ними силы зависимо-

сти от нестабильных флуктуаций мирового рынка нефти (потребление которой в мире в перспективе будет по-прежнему возрастать, согласно прогнозам Международного энергетического агентства и прочих авторитетных организаций). Однако сочетание этих проблем и их экономические индикаторы проявляются в странах-экспортерах нефти далеко не одинаково и специфически по-своему.

© Г.Л. Гукасян, 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Венесуэла: нефть плюс социализм. Carnegie Ru. 28.02.2017. URL.: <https://carnegie.ru/commentary/68112>.
- [2] Воздействие внешних факторов на распространение кризиса 2014–2016 гг. в российской экономике» / под. ред. Головнина М.Ю. М.: ФГБУН Институт экономики Российской академии наук, 2017.
- [3] ОПЕК+ удалось договориться о снижении нефтедобычи. РИА Новости. URL.: 7.12.2018. <https://ria.ru/20181207/1547641698.html>.
- [4] Сможет ли Алжир вытеснить российский газ из Европы? EADaily. URL.: <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/17/smozhet-li-alzhir-vytesnit-rossiyskiy-gaz-iz-evropy>.
- [6] Algeria economy: ‘The worst is to come’ // Al-Jazeera. 11.05.2016. URL.: <https://www.aljazeera.com/news/2016/05/algeria-economy-worst-160510121257728.html>.
- [7] Azerbaijan’s New Macroeconomic Reality: How to Adapt to Low Oil Prices. By Ingilab Ahmadov. Baku. // Caucasus Analytical Digest. No. 83, 21 April 2016, pp. 2–5.
- [8] Elliott L. 7.10.2015. Oil price slump turns Saudi surplus into huge deficit, IMF report shows // The Guardian. URL.: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/07/oil-price-slump-turns-saudi-surplus-into-huge-deficit-imf-report-shows>.
- [9] 5th OPEC and Non-OPEC Ministerial Meeting. OPEC Bulletin. 2019, No 1.
- [10] Oil Rents Percent of GDP // Trading Economics. URL.: <https://tradingeconomics.com/country-list>.
- [11] Merchandise Exports and Imports of The Kingdom of Saudi Arabia. General Authority of Statistics. URL.: https://www.stats.gov.sa/sites/default/files/ft_report_q2_2018_en.pdf.
- [12] OEC. Algeria. URL.: <https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/dza/>.
- [13] OEC. Saudi Arabia. URL.: <https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/sau/>.
- [14] OEC. Venezuela. URL.: <https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/ven/>.
- [15] The Role of Manufacturing in Promoting Sustainable Economic Growth in the GCC. Al Awad M. Working Paper No.ZU-WP 2010-003. Zayed University. UAE, 2017.
- [16] Trading Economics. Country List. URL.: <https://tradingeconomics.com/country-list/government-budget>.
- [17] UNCTAD Statistics. Merchandise: Product concentration and diversification indices of exports and imports, annual. URL.: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=120>.
- [18] Venezuela Exports0 // Trading Economics. URL.: <https://tradingeconomics.com/venezuela/exports>.

- [19] World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files. URL.: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS>.

Macroeconomic problems of the oil-exporting countries in the conditions of instability on the world market

G.L. Gukasyan

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Macroeconomic problems of the oil-exporting countries, determined by the instability on the world oil market are still a significant factor affecting the development and socio-economic situation in this group of states and their economic policies. This is especially pronounced in the context of falling world oil prices, when for oil-exporting countries the question of restructuring the economic structure dependent on the oil factor arises with particular urgency. However, the global system of international division of labor imposes serious structural constraints on opportunities and rates of structural economic reforms. At the same time, despite the peculiarities and diversity of the manifestations of macroeconomic problems in various oil exporting countries under the fluctuations in the oil market conditions, similar difficulties in the field of financial, economic, structural and foreign economic policies are manifested.

Keywords: the world oil market instability, oil exporting countries, financial and economic system, export structure, international division of labor, foreign exchange earnings, economic diversification

REFERENCES

- [1] Venezuela: neft plus sotsializm. Carnegie Ru. 28.02.2017. URL.: <https://carnegie.ru/commentary/68112>.
- [2] Vozdeistvie vneshnih faktorov na rasprostranenie krisisa 2014–2016 gg. V rossiyskoi ekonomike, M. FGBUN Institut ekonomiki Rossiiskoy akademii nauk. 2017, pod. red. Golovnina M.U.
- [3] OPEC+ udalos dogovoritsa o snizhenii neftedobichi. RIA Novosti. URL.: 7.12.2018. <https://ria.ru/20181207/1547641698.html>.
- [4] Smojet li Aljir vitesnit rossiyskiy gas is Evropi? EADaily. URL.: <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/17/smozhet-li-alzhir-vytesnit-rossiyskiy-gaz-iz-evropy>.
- [6] Algeria economy: 'The worst is to come'. Al-Jazeera. 11.05.2016. URL.: <https://www.aljazeera.com/news/2016/05/algeria-economy-worst-160510121257728.html>.
- [7] Azerbaijan's New Macroeconomic Reality: How to Adapt to Low Oil Prices. By Ingilab Ahmadov. Baku // Caucasus Analytical Digest. No. 83, 21 April 2016, pp. 2–5.
- [8] Elliott L. 7.10.2015. Oil price slump turns Saudi surplus into huge deficit, IMF report shows // The Guardian. URL.: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/07/oil-price-slump-turns-saudi-surplus-into-huge-deficit-imf-report-shows>.
- [9] 5th OPEC and Non-OPEC Ministerial Meeting. OPEC Bulletin. 2019, No 1.

- [10] Oil Rents Percent of GDP // Trading Economies. URL.: <https://tradingeconomics.com/country-list>.
- [11] Merchandise Exports and Imports of The Kingdom of Saudi Arabia. General Authority of Statistics. URL.: https://www.stats.gov.sa/sites/default/files/ft_report_q2_2018_en.pdf.
- [12] OEC. Algeria. URL.: <https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/dza/>.
- [13] OEC. Saudi Arabia. URL.: <https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/sau/>.
- [14] OEC. Venezuela. URL.: <https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/ven/>.
- [15] The Role of Manufacturing in Promoting Sustainable Economic Growth in the GCC. Al Awad M. Working Paper No.ZU-WP 2010-003. Zayed University. UAE, 2017.
- [16] Trading Economies. Country List. URL.: <https://tradingeconomics.com/country-list/government-budget>.
- [17] UNCTAD Statistics. Merchandise: Product concentration and diversification indices of exports and imports, annual. URL.: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=120>.
- [18] Venezuela Exports // Trading Economies. URL.: <https://tradingeconomics.com/venezuela/exports>.
- [19] World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files. URL.: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS>.

Об авторе:

Гукасян Гурген Левонович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов, gukasyan.gurgen@yandex.ru